

Л. В. ЛЯХОВИЧ

**ПРОБЛЕМА ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
НАКАНУНЕ 1789 г. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
НОВИСТИКЕ И СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Рассматривается трактовка политической культуры общества, имиджа власти, деятельности французской монархии накануне революции 1789 г., а также интерпретация понятия «абсолютизм» российской либеральной историографией начала XX в. Показано, что созданный Ардашевым образ предреволюционной Франции, корректирующий традиционные представления, как и другие выводы дореволюционных историков, оказался вписанным в контекст современной российской историографии и рассматривается в рамках актуального предметного поля.

The article considers the treatment of political culture, the image French monarchy's power, before the revolution in 1789, as well as the interpretation of the concept of «absolutism» by Russian liberal historiography in the early twentieth century. It is shown that the image of pre-revolutionary France that was created by Ardashev, correcting the traditional view, as well as other findings of the pre-revolutionary historians, was inscribed in the context of modern Russian historiography, and is considered within the current subject field.

Ключевые слова: методология, научная парадигма, методологическая трансформация, абсолютизм, «старый порядок», политическая культура, королевская власть.

Keywords: methodology, theoretical frameworks, methodological transformation, absolutism, the «old order», political culture, royalty.

Проблема абсолютной монархии является одной из наиболее сложных и актуальных в современной новистике. При этом абсолютизм выступает не только как форма управления, но и как условие существова-

ния особого типа политической культуры, специфических взаимоотношений власти, общества и личности, которые зачастую оказываются долговечнее самого института неограниченной монархии.

Новое время отмечено буржуазными революциями, среди которых Французская революция по масштабу последствий и осмысления в историографии практически не имеет себе равных. Особый интерес вызывает рассмотрение предпосылок революции, состояния монархии и общества накануне 1789 г. Важно также выявление степени способности «старого порядка» к самореформированию, равно как и оценка условий и эффективности проводимых реформ. Для современной историографии характерны как методологические поиски, пересмотр стереотипов и генерирование нового видения указанных проблем, так и новое прочтение научного наследия.

В дореволюционной России либеральная историография (В. И. Герье, Н. И. Кареев, П. Н. Ардашев) уделяла внимание как революции 1789 г., так и «старому порядку». Идеи парламентаризма и народного суверенитета, борьба за права человека и конституцию, проблема отношений общества и власти, все это находило отклик в России начала XX в.

П. Н. Ардашев (1865—1922) — историк и публицист праволиберального направления, выпускник Московского университета, ученик основателя «русской школы» новой истории В. И. Герье работал в архивах Франции, преподавал в Одессе, Юрьеве (Дерпте), Киеве, после революции — в Симферополе и Минске, где и умер в 1922 г. (по другим данным, в Витебске, в июне 1924 г.) [1, с. 173; 2]. Главные исследования Ардашева — «Абсолютная монархия на Западе» [11] и «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты» [13].

«Провинциальная администрация» была высоко оценена коллегами П. Н. Ардашева. Так, например, Н. И. Кареев считал, что уже один первый том этого исследования можно назвать крупным вкладом в науку. Однако Кареев отметил, что выводы Ардашева о состоянии дореволюционной Франции грешат «излишним оптимизмом», так как административная переписка, один из главных для Ардашева источников, отражая «чиновничьи нравы», склонна представлять дела «в наиболее выгодном свете» [3, с. 23—25, 37—38].

Историк, журналист, теоретик анархизма А. А. Боровой характеризовал работы Ардашева как выдающиеся события исторической литературы, отмеченные западной критикой [4, с. 11—12]. О значительном научном вкладе Ардашева писали В. А. Бутенко [5, с. 158—159] и

В. П. Бузескул [1, с. 172—177]. Затем П. Н. Ардашев и его труды оказываются почти в полном забвении, за исключением редких упоминаний в обобщающих работах [6, с. 525; 7, с. 486—487], так как концепция Ардашева шла вразрез с советской историографической традицией. Сейчас работы П. Н. Ардашева вновь привлекли внимание специалистов [8, с. 14; 9, с. 286, 289—292].

Согласно российской либеральной историографии начала XX в. неограниченная монархическая власть является древнейшей и распространенной формой правления — от древневосточных деспотий до европейского абсолютизма, датируемого концом XV и началом XIX в. Европейский абсолютизм был и возвращением к римской имперской идее неограниченной власти, и следствием разложения феодализма и падения сословной монархии. Это — государство, где общественные силы исключены из участия в политической жизни, вся власть сосредоточена в одном лице, а ее проводниками в жизнь общества являются чиновники и бюрократия. Под феодализмом понимался строй, основанный на отсутствии единой государственной власти, при котором король — лишь общий сюзерен над всеми сеньорами [11, с. 1—4].

Возрождение римского права, товарно-денежные отношения, освобождение крестьян, рост городов и буржуазии были предпосылками абсолютизма. По мере объединения земель, создания бюрократии, армии и накопления средств монархи стали более самостоятельными, в связи с чем упала роль сословно-представительных учреждений [10, с. 42—44; 11, с. 12—24].

Отняв политические права у дворянства и духовенства, лавируя между дворянством и буржуазией, абсолютизм даже увеличил их социальные привилегии, сохранив повинности и крепостничество. Реформация и Контрреформация усилили абсолютизм, так как в первом случае короли возглавили местные церкви, а во втором — укрепился союз монархии и католической церкви [10, с. 76—78, 272—282].

Французский абсолютизм как образцовый для государей остальной Европы формировался в условиях параллельно идущих объединений страны и укрепления власти монархов [10, с. 59; 11, с. 101—102; 15, с. 214]. Период второй половины XIII — начала XIV в. был «царством легистов», в практику вошли выражения «изволение государя имеет силу закона», «король есть живой закон» и т. д. Франциск I (1515—1547) в качестве заключительной формулы королевских ордонансов применяет выражение «поелику таково наше изволение». Формируется блестящий королевский двор, придворный этикет и церемониал, ставший важ-

ной частью политической культуры. «Грубо ошибаются те, — писал в свое время Людовик XIV, — кто думает, что это простые церемонии. Народы <...> не умея проникнуть в суть дела, судят по внешности... Так как для общества важно быть управляемым одним, то важно <...> чтобы тот, кто исполняет эту должность, был так возвышен над остальными, чтобы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать или сравнивать» [11, с. 102—109, 170—171].

Воля государя провозглашалась высшим критерием государственного порядка, короли воспринимались как «боги на земле и сыны Всевышнего». И все же неограниченная власть монарха не означала произвола — «король не должен делать всего, что может» [11, с. 113—115].

Дореволюционные историки сходятся в том, что царствование «короля-Солнца» было апогеем абсолютизма и периодом, когда абсолютная монархия стала превращаться в обузу для общества. Сама централизация государства оставляла желать лучшего. Так, В. И. Герье отмечал, что за фасадом абсолютной монархии скрывался административный и социальный хаос, «провинции считают себя как бы отдельными политическими телами <...> парламент присваивает себе право соглашаться или не соглашаться на изданные правительством законы...» [12, с. 228—229]. Н. И. Кареев указывал на «невыделенность законодательной функции из управления», а также особую роль парламентов во Франции и их оппозицию верховной власти [10, с. 133—134].

«Все социальное устройство тогдашней Франции, — писал В. И. Герье, — проникнуто привилегиями». Причины будущей революции — в нежелании монархии проводить реформы, т. е. эти привилегии затронуть [12, с. 229—231]. Н. И. Кареев утверждал, что «первая причина оппозиции абсолютизму во французской нации заключалась не в том, что он был абсолютизмом, а в том, что он сделался основой сословных привилегий» [10, с. 285]. П. Н. Ардашев сделал вывод: «В истории царствования Людовика XIV — ключ к историческому уразумению Великой французской революции» [11, с. 177].

Рассматриваемый Ардашевым «старый порядок» включает три предреволюционных царствования во Франции — от эпохи Людовика XIV до 1789 г. Каждая эпоха с индивидуальным обликом, когда эволюционные изменения в обществе происходили не столько законодательно, сколько фактическими изменениями в самом порядке вещей, когда менялись не законы и учреждения, а люди и идеалы. Один из современников «старого порядка» отмечал: «Сто лет тому назад <...> Ламуаньон-де-Бавилль тиранизировал мою родину (Лангедок), где он был интендантом <...> сегодня Ламуаньон де Мальзерб — друг философии» [13, с. 90—92].

Административно-территориальный порядок предреволюционной Франции был таков, что, по выражению Вольтера, путешественнику приходилось менять юридический режим при каждой перемене лошадей, а представители монархии, интенданты, должны были приспосабливаться к местным условиям [13, с. 100—103].

В политическом сознании людей «старого порядка» это — естественное состояние, даже единство гражданского кодекса для отдельной провинции представлялось им едва достижимым идеалом, а для всей Франции — утопической мечтой. Поэтому смысл, вкладываемый в XX в. в слова «Франция», «французская нация», «народ», «страна», неприменим для эпохи «старого порядка». Закон расценивался как некий провозглашенный принцип, не предполагающий исполнения. Законодательный акт рассматривался на соответствие местному праву, а система частных узаконений, отсрочек, специальных регламентов, местных обычаев и т. д., минимизировала деятельность правительства, которому не были известны точное количество населения, границы округов, бюджет государства [13, с. 100—129]. Король обязан был считаться с парламентами, особенно главным из них — Парижским. После прекращения созыва Генеральных штатов они стали оппонентами власти, основываясь на праве регистрации королевских законов, которое со временем превратилось почти в законодательное вето [13, с. 447—464]. Таким образом, абсолютная монархия, существующая в таких условиях, фактически абсолютной не была.

Королевская власть отнюдь не дистанцируется от общества. Она — объект оценки общественного мнения, «перед которым обязан предстать всякий, на ком <...> сосредоточены взоры общества» и которое смогло в условиях культурного подъема, отсутствия внутренних смут и властного давления набрать силу. Ссылками на общественное мнение, разум и справедливость, «всеобщие пожелания нации», «доверие народа» пестрят эдикты Людовика XVI с начала его царствования. По мнению Ардашева, приведенные выражения не были только официальной фразеологией. Ардашев убежден, что языку XVIII в. «совершенно чужда большая часть тех условных лжей, которые составляют неотъемлемую особенность современного официального стиля <...> это язык необыкновенно наивный в лучшем смысле этого слова <...> склонный скорее к излишней выразительности, чем к умолчаниям и затушевываниям...» [14, с. 123—134].

Общественное мнение формируется в парламентах, провинциальных штатах, правительстве и печати. Источниками общественного мне-

ния выступают двор, салоны, клубы, академии, театры, кафе. Особенное место занимает литература. Так, один из современников отмечал: «Скоро придется стать писателем, чтобы занять место в администрации». Правительство прислушивалось к общественному мнению, старалось его контролировать и использовать, но данная цель достигнута не была [14, с. 153—159, 174, 198].

Во Франции не было легально разрешенной свободы слова, но это не мешало формированию и распространению разрушающей имидж власти информации. Придворные и министры «фрондировали версальские власти и ухаживали за властями Энциклопедии». Накануне революции поток памфлетов, «сатир», брошюр, афиш, направленных против двора и правительства, захлестнул столицу. Общественное мнение было тем более неконтролируемо, что развивалось путем неформального общения — воспитанием, посещением салонов, клубов, кафе, театров. Огромную роль играл разговор с соответствующим подтекстом, жестами, мимикой и т. д. [14, с. 162—199].

Запреты власти в отношении авторов и их произведений практически не выполнялись. Правящая элита сочувствовала новым идеям и покровительствовала просветителям. Канцлер Р.-Н. де Мопу, организовав получение «нечестивых сочинений» из-за границы на свое имя, передавал их книгопродавцу Мерлэну. Иногда авторов «безбожных» сочинений заключали в тюрьму, но это создавало им дополнительную популярность, как запрещение и сожжение книг [14, с. 182—187].

Ардашев указывает на характерные для общества ненависть к деспотизму и произволу, отмечая, что они органически присущи «старому порядку» в соответствии с патриархально-патримониальной концепцией публичной власти. Понимание короля как сеньора, а государства — как вотчины приводило опекающий характер власти к «отеческому произволу». В таких условиях гуманность, веротерпимость, целесообразность были «просвещенным произволом». Грандиозным «актом произвола» Ардашев назвал Французскую революцию [14, с. 662—700].

Работы российских дореволюционных историков оказались созвучными с выводами современных исследователей. Выявилась узость ранее господствовавших масштабных теоретических построений и категоричность дефиниций, а информация источников не только подтверждала указанное, но и диктовала расширение проблемного поля.

Так, А. В. Чудиновым было актуализировано научное наследие П. Н. Ардашева в контексте «целой пропасти» между законами и их выполнением во Франции, роли местного права как «своего рода аморти-

зационной подушки», ослаблявшей импульсы центральной власти. Не случайно абсолютизм Бурбонов до конца своего существования «носил черты незавершенности» [9, с. 285—288]. Тезис «власть короля была “абсолютной” лишь в принципе, в теории, но отнюдь не в реальности» [8, с. 14] является основой современной интерпретации абсолютной монархии. Произошло размывание понятия «абсолютизм», но сам термин сохранился, хотя и с «вариативным наполнением» [15, с. 55—56].

В. Н. Малов отмечает эволюционность французской монархии, ее нелюбовь к резким движениям, что и сделало революцию неизбежной. Не проведенные вовремя реформы расценивались в свое время Н. И. Кареевым и В. И. Герье как боязнь отмены привилегий. В. Н. Малов видит причину в другом — французскому абсолютизму не нужно было догонять другие страны и перенимать чужой опыт. «Исконность, рудиментарность» соединения управленческих и судебных функций приводила к противоречию практики монархии и правовой традиции. Не без основания он выделяет три этапа развития французской монархии — судебный, судебно-административный и административно-судебный. Автор предлагает, исходя из властных полномочий и независимости судебных, называть их не «чиновниками», а «оффисье», чтобы подчеркнуть специфичность этого социального слоя [16, с. 87—106]. С этим не согласна С. К. Цатурова, утверждая, что «вплоть до конца Старого порядка» чиновники были служителями короля, действовавшими в рамках четко очерченных полномочий и «пока так было угодно государю» [17, с. 147—149]. По мнению Л. А. Пименовой, восстановлением сильно ограниченных полномочий парламентов Людовик XVI «сам по доброй воле и по недомыслию создал себе на погибель опасного врага» [18, с. 196], а парламентская оппозиция может считаться одной из важнейших предпосылок революции.

Франция «старого порядка» не была государством, идущим прямо к своему краху во главе с бездарными правителями. С. Ф. Блуменау указывает, что, несмотря на ослабевший авторитет власти и позднюю политическую зрелость Людовика XV, король в первой половине 70-х гг. XVIII в. совершил прорыв во внутренней политике. Он «выкорчевывал укоренившиеся архаичные элементы политической системы, реформировал и модернизировал ее, задевая интересы привилегированных» [19, с. 81], но мероприятия короля оборвались с его смертью. Поблекший при Людовике XV ореол власти померк при нерешительном, разрывающимся между консерватизмом и реформаторством Людовике XVI. «Он добросовестно стремился быть хорошим, справедливым и добрым ко-

ролем, но <...> когда требовалось действовать <...> и быстро находить неожиданные, нестандартные решения, этот человек либо капитулировал и ждал, когда все само собой образуется, либо делал то, чего делать никак не следовало <...> Будучи нехаризматической личностью, он не мог привлекать к себе сторонников...» [20, с. 69—70, 78]. Хотя объективно «старый порядок» был способен к самореформированию, и деятельность Ж. Неккера, несмотря на ее неудачу, подтверждает это [21, с. 56]. Непоследовательность властей, чехарда сменявших друг друга министерств, сопротивление парламентов, неблагоприятная экономическая конъюнктура вызвали к жизни оппозиционный фронт, расколовшийся на привилегированных и непривилегированных [22, с. 116—117].

Роль общественного мнения, политизация сознания, подрыв традиционных религиозных и светских авторитетов, так же как и некогда в исследованиях П.Н. Ардашева, занимают важное место в современной историографии. Сочетание указанных факторов, по мнению С. Ф. Блуменау, привело к обстановке, делавшей революцию возможной [23, с. 160].

Предреволюционная Франция предстает в исследованиях Л. А. Пименовой как общество со сложнейшим переплетением культурных, идеологических, политических, корпоративных, личностных факторов. Особенное место занимает двор как политический и социокультурный центр. Он — законодатель мод, вкусов, меценатства, формирования общественного мнения и притяжения просветителей [26, с. 159—163]. Но из утрачивающего свое величие двора идут сплетни, карикатуры, памфлеты — и это в основном результат борьбы амбиций придворных [24, с. 346—348; 26, с. 164—170]. Ни Людовик XV, ни Людовик XVI двора и его церемоний не любили, предпочитая частную жизнь. Пренебрежение к ритуалу и его профанация [24, с. 339], естественно, имели негативные последствия.

Работы Л. А. Пименовой акцентируют внимание на границах поведенческих практик, иерархии социальных норм и ценностей [25], ментальности общества, символикe власти, социальных представлениях [27; 28], смене социокультурных приоритетов [24; 26; 28] и т. д., что не только соответствовало современной европейской традиции, но и занимало определенное место в российской дореволюционной историографии.

Итак, власть монарха абсолютна, но не произвольна. Основанная на законах монархия противоположна монархии тиранической. «Абсолютным» своего монарха французы считали издавна, но не в смысле всевластия и деспотизма, а скорее завершенности, совершенства, непод-

властности короля внешней силе. Декларирование всемогущества короля сочеталось с реальными ограничениями его власти [16, с. 114—115; 18, с. 195]. Если для Людовика XV власть абсолютна по установлению свыше, то для Людовика XVI — потому, что так она лучше всего защищала естественные права подданных [18, с. 203]. Должны были совпасть во времени множество факторов разного масштаба, чтобы просветительские принципы и начинания привели к результатам, которых, казалось, никто не ожидал и не желал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М. : Индрик, 2008. 832 с.
2. Танклер Х. Л. Преподаватели Тартуского университета XIX — начала XX в., связанные с Беларусью // Полацкая зямля як сацыякультурная прастора ўзнікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці: Міжнар. навук. канф. (Полацк, 5—6 верас. 1995 г.). Скарынаўскія чытанні [Электронный ресурс]. 2004. Режим доступа: <http://lib.psu.by/history/ideaXX/htm>. Дата доступа: 23.03.2011.
3. Кареев Н. И. Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным». Т. I. Спб., 1900. Т. II. Киев. 1906 // Отчет о тринадцатом присуждении Императорскою Академиею Наук премии митрополита Макария в 1909 г. по историко-филологическому отделению. Спб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 196 с.
4. Боровой А. А. История личной свободы во Франции. Т. 1. Ч. 1, 2. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1910. Ч. 1: Старый порядок и революция. 470 с.
5. Бутенко В. А. Наука новой истории в России // *Анналы*. 1922. № 2. С. 124—167.
6. Вебер Б. Г. Образование русской либеральной традиции в историографии Великой Французской революции // *Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции*. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 489—526.
7. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1—3; под ред. М. В. Нечкиной. М. : Изд-во АН СССР, 1955—1963. Т. 3 / М. В. Нечкина (гл. ред.). 1963. 830 с.
8. Чудинов А. В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // *Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789—1799 гг.: Итоги юбилея*. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 5—23.
9. Чудинов А. В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // *Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972)*. М. : КомКнига, 2005. С. 259—293.
10. Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». Спб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908. 452 с.
11. Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. Спб. : Тип. акц. об-ва Брокгауз-Эфрон, 1902. 183 с.

12. *Герье В. И.* История XVIII века: лекции, читанные в 1902—1903 гг. М. : Типолитография Ю. Венер, 1902. 525 с.

13. *Ардашев П.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору «старого порядка». 1774—1789. Провинциальные интенданты: ист. исслед. преимущественно по архив. данным : в 2 т. СПб. : Тип. «В. С. Балашев и К^о», 1900—1906. Т. 1. 1900. XVI, 658 с.

14. *Ардашев П.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору «старого порядка». 1774—1789. Провинциальные интенданты: ист. исслед. преимущественно по архив. данным : в 2 т. Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1900—1906. Т. 2. 1906. XXI, 733 с.

15. *Бовыкин Д. Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48—73.

16. *Малов В. Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). М. : КомКнига, 2005. С. 86—128.

17. *Цатурова С. К.* Король Франции и его чиновники (своеобразие принципа королевской власти *Quod principi placuit*) // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). М. : КомКнига, 2005. С. 129—149.

18. *Пименова Л. А.* Власть короля абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). М. : КомКнига, 2005. С. 195—222.

19. *Блуменау С. Ф.* Людовик XV // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 62—82.

20. *Пименова Л. А.* Людовик XVI // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 62—83.

21. *Блуменау С. Ф.* Жак Неккер // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 56—76.

22. *Блуменау С. Ф.* Французская политическая публицистика накануне Великой революции. Ж.-Г. Туре // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 111—118.

23. *Блуменау С. Ф.* Просвещение и проблема истоков Французской революции: современное видение // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 155—161.

24. *Пименова Л. А.* Осень Версаля глазами современников // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ист. фак.; под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб. : Алетейя, 2001. С. 336—351.

25. *Пименова Л. А.* Как судейский крючок женился на герцогине, или Три версии одной истории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. С. 236—266.

26. *Пименова Л. А.* Королевский двор в публичном пространстве «века Просвещения» // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Моск. гос. ун-т; Ин-т всеобщ. ист.; отв. ред. Н. А. Хачатурян. М. : Наука, 2004. С. 157—174.

27. *Пименова Л. А.* Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII века // Одиссей. Человек в истории: 2007: История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Ин-т всеобщ. истории РАН. М. : Наука, 2007. С. 148—168.

28. *Пименова Л. А.* Символический образ власти между «старым порядком» и Революцией: от помазания короля на царство к празднику Федерации // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века / Ин-т всеобщ. ист. РАН; под ред. М. А. Бойцова, О. Г. Эксле. М. : Наука, 2008. С. 277—290.